

II ОКА в мире нет равного ему альтиста. Каждый концерт Юрия Башмета — открытие в музыке. Увы, широкая известность этого музыканта у нас пришла значительно позже, чем имя его триумфально прогмемело на Западе. Лишь спустя восемь лет после блистательных побед выпускника Московской консерватории на международных конкурсах, открывших альтисту № 1 все престижные залы мира, оказался возможен дебют Юрия Башмета в Большом зале консерватории. А вскоре с его именем прочно связалась и слава созданного и руководимого мастером камерного оркестра "Солисты Москвы".

Несколько месяцев назад возник новый камерный оркестр под руководством Юрия Башмета. А что же "Солисты Москвы"? И в западной прессе, и у нас идет много разных толков: кто кого бросил, кто кому изменил?

— Юрий Абрамович, полагаю, не одна возвращаюсь памятью к драматургии необыкновенного благотворительного вечера в Большом зале консерватории в пользу Марфо-Мариинской обители.

...Торжественно приподнятое значительностью события, предстоящей встречей с выдающимися музыкантами настроение собравшейся публики. Все места и проходы заняты, все звонки положенные отзвонели, а концерт не начинается. Двадцать, тридцать минут восьмого — сцена пуста. Застывший в недоумении зал интеллигентно ждет молча: в красочной программке такие уважаемые, желанные имена: Юрий Башмет с "Солистами Москвы", Элисо Вирсаладзе, Наталия Гутман, Виктор Третьяков... Наконец, сорок минут юсымого на сцену выходит Алексей Баталов. Так не бывает, — говорит он, — но так случилось: все это время за сценой шла репетиция. Вас ждет великий праздник музыки...

Он не ошибся тогда и ничуть не преувеличил, хотя вместо знаменитой пианистки за роялем оказался мало кому известный 14-летний воспитанник Гнесинки, а вместо вашего оркестра — коллектив виолончелиста Александра Рудина. Праздник музыки, да еще какой! — вдохновенно провозгласил — действительно состоялся. А ведь концерт был на грани срыва...

— Да, ситуация тогда сложилась чрезвычайная. Наталия Гутман внезапно заболела. За три дня до концерта выступавшая в то время в Париже Элисо Вирсаладзе прокричала в телефон: "Не смогу! Не успеваю!" И под разными предлогами откладывался запланированный приезд "Солистов Москвы". Я ждал до последнего, надеялся: ну не все — хоть часть придет.

— Вы не были готовы к тому, что ваше детище может вас подвести?

— И нет, и да... Трещина между нами уже образовалась, и несколько тревожных звонков прозвучало. Оркестр не приехал на декабрьские вечера к Рихтеру — я играл сольно. Не прибыли они и на два плановых выступления в Ленинград, в том числе и на открытие I-го Международного конкурса имени Шостаковича по ансамблю. Но на этот раз мне не хотелось верить, что они подведут. Выступление в Большом зале консерватории для музыканта самого высокого ранга — событие почетное. А тут не просто концерт — святое, светлое дело...

— Да, благая акция человечности в память безвинно убиенной великой княгини Елизаветы, явившей собой пример чистого, преданного служения людям, верности долгу, убеждениям.

— Конечно! Вот и думалось: неужели настолько переродились, что смахнут все с весов во имя призрачной выгоды? Обстановка прояснилась за три дня до начала вечера: появились лишь четверо музыкантов, бывших в Москве по своим делам.

— В сложившейся ситуации спору было отменять концерт.

— Нет, об этом не думали. Не тот случай, когда можно отменять, переносить вечер. Даже кардинально менять специально продуманную к его назначению программу нелегко. Оставалось срочно искать замены.

Юрий БАШМЕТ: "КАЖДЫЙ ДЕЛАЕТ СВОЙ ВЫБОР"

— Но кто с ходу сыграет вещи, требующие высочайшего мастерства?

— В Москве тогда оказался лишь камерный оркестр Рудина, вернувшийся накануне из тяжелых гастролей по стране. По счастью, они играли намеченный в программе концерт для виолончели с оркестром Гайдна, разучивали моцартовский фортепьянный. Но кто сядет за рояль? Маститые все в разезде... И тут везение: выяснилось, что неделю назад именно этот концерт исполнял на зачете один из ярких учеников Гнесинки Костя Лифшиц. На такой дебют в Большом зале нужна отвага, ведь времени на сыгрывание с оркестром практически не было. Но Костя решил сразу. Рудинцам предстояло за два дня разучить сложнейшую симфонию-концертанту Моцарта для скрипки и альтя. Мы с Третьяковым репетировали с ними до последней минуты. Виктор замечательно показал себя в те дни. Да и оркестранты сделали, кажется, сверх своих сил. Мы все жили только одним: сыграть на уровне! Моментами мне казалось: теряю сознание от волнения.

— Что же, жизнь нередко подставляет нам ситуации, словно рентгеном высвечивающие, кто есть кто, и все раскладывается по своим местам. Вы все играли, как боги, в тот вечер, находясь в высочайшем подъеме духа. Вам хотелось тогда доказать, что обойдетесь и без "Солистов"?

— Хотелось, не сфору. Это был важный, сильный экзамен. Он подвел к определенности, к решению. Нелегкому для меня, но закономерному, очевидно. Мы внутренне разошлись. Процесс этот шел исподволь — начинали-то единомышленниками.

— А как возникло в вас желание создать оркестр и работать с ним?

— Случайность счастливая сработала. Я ведь и альтистом по случайности стал: начинал — и небезуспешно — играть на скрипке, но, когда пришло время переходить в школу при Львовской консерватории, вакансия оказалась только по классу альтя. Год я помучился с новым инструментом и... полюбил его навсегда. А мог бы и пианистом — рояль в свое время был моей стихией в пору увлечения музыкой "Битлзов". А с оркестром... Я всегда был противником дирижирования солистов, считал, что каждый должен заниматься своим делом. Но однажды на фестивале "Музыкальные вечера" во Франции не приехал дирижер молодежного международного оркестра. Менеджер попросил меня встать за пульт. Я отказывался всячески. Но уговорили. На первой же репетиции увлекся. Открылась возможность освоить крупные полотна музыкальной культуры, недоступные репертуару альтиста, увиделось богатство каждого инструмента. Не помню, когда музыканты играли с таким воодушевлением. И я воз-

ратился домой с четкой идеей: организовать камерный оркестр. Собрал в восьмидесят пятом году двадцать крепких профессионалов из разных городов. Мы работали с полной отдачей. Каждый концерт. Я с увлечением раздвигал свой горизонт и... с еще большим увлечением возвращался к альту.

— "Солисты Москвы" быстро завоевали успех и особое положение...

— Да. Мы были единственным в стране музыкальным коллективом, который выступал в зарубежных гастролях не за суточные, а за гонорар. Немосквичи получили хорошие квартиры в столице. Ребята обзавелись машинами, дачами. Словом, условия для творчества были благоприятными. Но в какой-то момент появился и начал развиваться развращающий душу художника вирус сытости, стремления к благостно-спокойной жизни, когда, образно говоря, белый "Мерседес" оттесняет собой музыку на второй план. Не захотели играть в Киеве в пору черновицкой катастрофы. Потом заболели идеей уехать в Европу по контракту. Кто-то боялся "Памяти" — в оркестре немало евреев — другим хотелось спокойно кушать вкусный бутерброд каждый день.

— А вас не посещало желание тоже выбрать более спокойное место для жительства по примеру множества музыкантов? Вы ведь тоже еврей...

— Нет, мой дом — в Москве. Другого я не хочу. Среди уехавших музыкантов, даже хорошо материально обеспеченных, я знаю, нет счастливых до конца. Отыр от родных корней никого не обогащает... Я

много гастролирую, но непременно должен возвращаться домой, к своей семье, к друзьям, к возможности пообщаться, поговорить в кругу близких по духу, воззрениям людей. Это заложено свыше, и слава Богу! Сила русской исполнительской школы прежде всего в ее образе мышления, в ощущении непрестанной неразрывности каждого из нас со всем, что делается на родной земле, в нашей стране, как бы она ни называлась. Отсюда и Шостакович, и Шнитке, и нестарейший философ в музыке Рихтер...

— Тем не менее вы отыскили для своего детища выгодный контракт во Франции.

— Да, в чем-то я сам уготовил себе их измену. Там, в Монпелье, на берегу Лазурного моря все меньше отдавалось творчеству, пошел процесс впадения в ту жизнь. Когда появились первые осложнения с бюджетом, я резко сократил сольные выступления, чтобы больше работать с оркестром. Однако сытость сказывалась на музыке. Не смогли просто записать пластинку "Девушка и смерть" Шуберта, над которой долго трудился. Я впервые кричал на них в Англии...

Образовавшуюся между нами трещину умело расширял директор

фестиваля "Радио Франсе" Рене Керинг, решивший прибрать к своим рукам оркестр. В январе коллектив выдвинул ряд требований, среди которых был пункт: генеральным директором оркестра становится Керинг. На это я согласия не дал. Моя просьба еще раз встретиться и обсудить все не нашла отклика. Они не приехали на ряд запланированных выступлений со мной. Тем временем было подготовлено "коллективное письмо" о том, что "Солисты Москвы" создал не Юрий Башмет. Рене Керинг поставил ультиматум: кто не подпишет, будет уволен. Не подписали только четверо.

— Измену собственного ребенка надо было пережить... Но вы ничуть не расслабились. В самые критические дни блистательно выступали в Москве, Париже, Финляндии, Токио, стави инициатором новой благотворительной акции в пользу реконструкции Большого зала, подхваченной "классикой", и... создали новый камерный оркестр из студентов Московской консерватории, который уже замечательно себя показал. Это — характер?

— Характер. Для достижения результатов музыканту очень важно иметь правильный характер: быть целеустремленным не в карьере, а в музыке и не расстраиваться, если что-то не получается. Звук — живая клетка музыки. Процесс ее познания беспрерывен...

— Вы убедительно показали это на сегодняшней репетиции финала Струнной серенады Чайковского. Десятки раз вы возвращались к каждому такту, фразе, выискивая новые оттенки, акценты, открывая ребятам новые грани в смысловой технике и в нотном прочтении композиторской мысли, пока знакомая до боли музыка не засверкала вдруг неслыханным чудом первооткрывателя.

— Музыка — бесконечность. Пройдет время, и мы совсем иначе сыграем эту Серенаду. Главная радость: молодые музыканты — а это одаренные ребята старших курсов — уже заразились счастьем поиска

и ведут его, к моему удивлению, на редкость быстрыми темпами. Мы осваиваем труднейший репертуар "Солистов Москвы", чтобы не сорвать давно намеченные концерты. И то, на что тот оркестр тратил годы, этот коллектив осваивает за два месяца. В России, несмотря ни на что, поднимается поразительная поросль талантливых музыкантов. Знамение какое-то.

— А у "Солистов Москвы" дела не акти: обслуживают гостиницы Монпелье, играют в ресторанах... Обидно!

— Когда недавно в Париже была объявлена программа концерта оркестра под управлением Юрия Башмета, в дирекции зала "Глейель" раздался звонок из города Монпелье: "Солисты Москвы" у вас не собираются выступать". На что последовал ответ: "Солисты Москвы" у нас будут играть, а вот "Солисты Монпелье" — нет".

— Новый оркестр получит такое же название?

— Нет. Мы еще не решили, как назовем, но этого имени не возьмем.

Интервью вел
Мирра ЯКОВЛЕВА.

НА СНИМКАХ: Юрий БАШМЕТ и его оркестр.